

А. Н. ЯХОНТОВ

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ

Секретные заседания Совета министров

Аркадий Яхонтов

**Тяжелые дни. Секретные
заседания Совета министров**

Издательство «Кучково поле»

1926

УДК 328
ББК 63.3(2)524

Яхонтов А. Н.

Тяжелые дни. Секретные заседания Совета министров /
А. Н. Яхонтов — Издательство «Кучково поле», 1926

ISBN 978-5-9906462-6-1

Записи секретных заседаний Совета министров, составленные бывшим помощником управляющего делами Совета министров Аркадием Николаевичем Яхонтовым и опубликованные под названием «Тяжелые дни», относятся ко времени тяжкого военного и общественно-политического кризиса. Автор дает уникальную картину событий середины 1915 года, – паническое отступление армии на фронте; решение царя принять на себя верховное командование; внутренние раздоры, – записывая ее со слов первых лиц правительства. Драма, разыгрывавшаяся на заседаниях Совета министров и впервые обнаженная перед публикой под названием «Тяжелые дни», много дает не только для понимания сложившейся обстановки, но и для всей истории российской государственности.

УДК 328
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-9906462-6-1

© Яхонтов А. Н., 1926
© Издательство «Кучково поле», 1926

Содержание

Вместо предисловия	6
Состав совета министров в течение описанных заседаний	8
Дополнительные пояснения	9
Заседание 16 июля 1915 года	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Аркадий Николаевич Яхонтов
Тяжелые дни. Секретные заседания Совета
министров. 16 июля – 2 сентября 1915 года

Печатается по изданию:

А. Н. Яхонтов. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров; 16 Июля – 2 Сентября 1915 года)/(Архив русской революции. Т. 18. – Берлин, Слово, 1926.

Вместо предисловия

Один французский бытописатель сказал, что историк не может ограничиваться простым изложением событий – он должен в своих повествованиях оживлять те страсти, настроения, стремления и помыслы, которые были присущи изучаемой эпохе.

Проникнутый таким заветом исследователь великой войны и предреволюционного времени найдет в составленных мною заметках именно бытовой повседневный материал для характеристики как общего положения России, так и отдельных правительственных деятелей. В этих заметках Совет министров выступает в своей обыденной, не стесненной условностями официального присутствия, обстановке. Говорят, спорят, ищут выхода не только министры императорского правительства, но и живые русские люди, глубоко встревоженные обрушившимися на Родину небывалыми бедами.

Происхождение настоящего труда таково.

С мая 1914 по октябрь 1916 года я занимал должность помощника управляющего делами Совета министров и по обязанностям своей службы присутствовал на заседаниях и собраниях этого учреждения.

По установленному порядку заседания Совета министров распались на две части – официальную и секретную. В первой – дела рассматривались по заранее рассылавшейся повестке с назначенными к слушанию печатными представлениями, и делопроизводство велось начальниками отделений канцелярии Совета министров.

Вторая часть – после ухода этих чинов – посвящалась обсуждению различных доверительных вопросов, обмену мнений по делам высшей политики, беседам о внутренних и внешних событиях и т. п. В особо острые минуты государственной жизни созывались внеочередные заседания. В таких секретных собраниях оставались только управляющий делами И. Н. Лодыженский и я, в качестве его помощника.

Для последующего исполнения по таким заседаниям мною, по указаниям И. Н. Лодыженского, велись записи, в которых обычно запечатлевались в кратких словах необходимые с точки зрения делопроизводства суждения и мотивы для выработки постановлений. Но в некоторых случаях, сознавая несомненный исторический интерес того, чему приходилось быть свидетелем, я постепенно начал записывать отдельные прения с почти дословною подробностью, с сохранением образности выражений, яркости мысли и самого настроения говоривших министров. Часто после заседания, под свежим впечатлением, я делал общий обзор, набрасывал свои наблюдения, заносил услышанные новости и т. д.

Наиболее подробно у меня изображены заседания с середины июля по начало сентября 1915 года. То были дни великого отступления нашей армии и принятия государем императором верховного главнокомандования, дни резкого обострения внутреннего положения в стране, перерыва сессии законодательных учреждений и разлада в среде Совета министров.

Главнейшие из этих записей мне удалось сберечь, несмотря на беженские скитания последних лет. Воспроизведение их в удобном для чтения виде и составляет содержание настоящего труда.

Еще небольшое пояснение.

Записи мои, хотя во многих случаях весьма подробные, все-таки не протоколы в обычном значении этого понятия. Заносил я в них то, что успевал и что производило в тогдашней обстановке впечатление с точки зрения общего интереса. Иногда записи прерываются – либо приходилось выходить из заседания с какими-нибудь поручениями, либо беседа принимала неуловимо перекрестное течение, либо, наконец, просто не хватало нервного напряжения и сил писать кряду целыми часами. Неизбежны и различные неясности и пробелы. Причины этому следующие. Нередко прения отмечались мною на справках, докладах, представлениях и

других вспомогательных документах, по поводу которых развивались любопытные суждения; такие бумаги, за единичными исключениями, мне не удалось вывезти. Кроме того, в отдельных случаях, служившие предметом обмена мнений вопросы являлись продолжением разговоров, происходивших вне моего присутствия. Хотя многое потом мне приходилось слышать от И. Л. Горемыкина, И. Н. Лодыженского и других лиц, но, к сожалению, я далеко не все тотчас же заносил на бумагу.

Воздерживаюсь пока от изложения по памяти и помещаю в этом труде только основанное на подлинных записях. Держусь такого правила для соблюдения точности, беспристрастия и колорита современности.

Если хватит времени и будет досуг, попытаюсь, набросав свои воспоминания, закончить разработку других записей. Но в обиходе испытываемого судьбою русского странника «досуг» есть столь великая роскошь, что о нем можно лишь мечтать.

Бывший помощник управляющего делами Совета министров

Франция, август 1921 года

Аркадий Яхонтов

Состав совета министров в течение описанных заседаний

Председатель Совета министров – *Иван Логгинович Горемыкин.*

Министр императорского двора и уделов – граф *Владимир Борисович Фредерикс.*

Морской министр – *Иван Константинович Григорович.*

Управляющий Военным министерством – *Алексей Андреевич Поливанов.*

Государственный контролер – *Петр Алексеевич Харитонов.*

Министр путей сообщения – *Сергей Васильевич Рухлов.*

Главноуправляющий землеустройством и земледелием – *Александр Васильевич Кривошеин.*

Министр иностранных дел – *Сергей Дмитриевич Сазонов.*

Управляющий Министерством юстиции – *Александр Алексеевич Хвостов.*

Министр финансов – *Петр Львович Барк.*

Исправляющий должность обер-прокурора Святейшего синода – *Александр Дмитриевич Самарин.*

Министр народного просвещения – граф *Павел Николаевич Игнатъев.*

Министр торговли и промышленности – князь *Всеволод Николаевич Шаховской.*

Управляющей Министерством внутренних дел – князь *Николай Борисович Щербатов.*

Граф В. Б. Фредерикс лично почти никогда не появлялся в Совете министров. В тех случаях, когда слушались дела, касающиеся интересов придворного или удельного ведомств, его замещали либо граф М. Е. Нирод, либо князь Кочубей, либо Е. Н. Волков, по принадлежности.

В течение описываемого периода в заседаниях бывали, замещая подлежащих министров, товарищи министров: путей сообщения – П. Н. Думитрашко, морского – А. И. Русин, иностранных дел – А. А. Нератов, финансов – А. И. Николаенко и главноуправляющего землеустройством и земледелием – А. А. Риттих. Все прочие члены Совета, насколько могут судить по записям, присутствовали лично.

Надо отметить, что заместители министров обычно не приглашались на внеочередные заседания, посвященные обмену мнениями по общеполитическим вопросам.

После состоявшегося 16 сентября 1915 года заседания Совета министров в присутствии государя императора, в составе Совета на протяжении ближайшего времени произошли значительные перемены.

А. Д. Самарин был заменен членом Государственного совета А. Н. Волжиным. На место князя Н. Б. Щербатова был назначен член Государственной думы А. Н. Хвостов (племянник министра юстиции А. А. Хвостова, оставшегося на своем посту). А. В. Кривошеина сменил член Государственного совета по выборам, Самарский губернский предводитель дворянства А. Н. Наумов. Министерство путей сообщения, после увольнения С. В. Рухлова, получил член Государственного совета А. Ф. Трепов. Н. Н. Покровский занял место П. А. Харитонova.

В 1916 году, после увольнения И. Л. Горемыкина и назначения председателем Совета министров В. Б. Штюрмера, в Совете произошли дальнейшие изменения, причем из министров, принимавших участие в событиях второй половины 1915 года, были постепенно уволены: А. А. Поливанов, А. А. Хвостов, С. Д. Сазонов и граф П. Н. Игнатъев. Таким образом, к моменту переворота 1917 года из старых членов Совета министров оставались на своих местах только трое, а именно – И. К. Григорович, П. Л. Барк и князь В. Н. Шаховской.

Дополнительные пояснения

Настоящий труд, по завершении его в августе 1921 года, более четырех лет оставался в рукописи. За этот срок с нею ознакомились многие государственные деятели описанной эпохи, почтившие меня весьма лестными отзывами о моей работе. Среди таковых отзывов имеются письма некоторых непосредственных участников заседаний Совета министров июля – августа 1915 года, отмечающих полноту и доступную по человечеству объективность отражения происходившего на моих глазах и тогда же заносившегося на бумагу.

Совокупность высказанных по поводу «Тяжелых дней» мнений побуждает меня сделать свои записи общедоступными. Хочется верить, что труд этот послужит для современников поводом приняться за перо и сообщить как различные дополнения, поправки и объяснения записанных мною бесед в Совете министров, так и другие сведения, долженствующие способствовать всестороннему и беспристрастному выяснению истины.

Например, известно, что в течение переживавшегося правительством в августе 1915 года внутреннего кризиса происходили подготовительные к заседаниям Совета министров сговоры вне официальных присутствий на частных собраниях у отдельных министров, без участия И. Л. Горемыкина. Если бы ныне здравствующие участники этих собраний, пользуясь канвою моих записей, рассказали сокровенную сторону «Тяжелых дней», то получился бы тот исторический памятник, который облегчил бы будущему летописцу во всей исчерпывающей полноте разработать имевшую огромное значение в развитии дальнейших событий эпоху преддверья революции. С этой точки зрения предпринятым мною трудом заинтересовался покойный А. В. Кривошеин, с которым я еще осенью 1917 года беседовал о сохранившихся у меня записях. В ответ на мое письмо с предложением ознакомить его с «Тяжелыми днями», А. В. Кривошеин 5 сентября 1921 года написал мне из Висбадена: «Ваше намерение издать записи и осветить в них правительственную мысль в такую несравнимую по важности событий эпоху глубоко приветствую и придаю ей огромное значение не только для нас, современников, но и для истории, истории – особенно. Приветствую также ваше намерение познакомить меня с записями предварительно и общими нашими усилиями придать им возможную точность и ясность». К сожалению, намечавшаяся наша встреча в Париже не состоялась, ибо вскоре А. В. Кривошеин скончался.

В некоторых отзывах указывалось, между прочим, на желательность – для яркости и широты картины положения государственных дел летом 1915 года – предпослать «Тяжелым дням» особое введение с характеристикой той исключительной обстановки, в которой протекала правительственная деятельность после возникновения войны и в особенности со времени начала великого отступления нашей армии. Несомненно, что такое введение в значительной степени помогло бы правильному пониманию и беспристрастной оценке положения Совета министров в болезненные, бесконечно тревожные «Тяжелые дни». Однако для выполнения подобной работы еще не приспел срок, еще не накопились материалы.

Надо ждать, пока станут доступны архивы правительственных, законодательных и общественных учреждений, – пока не откроются партийные бумагохранилища, – пока не появятся в свет в достаточном для взаимной проверки количестве воспоминания, секретные документы, частная переписка современников, научная разработка газетной литературы и пр., словом – все те подлинные бытовые данные, без которых немислимо раскрыть истинную подоплеку явлений и отношений, – сложность политических и иных влияний, – закулисные домогательства отдельных групп, – размах злостной провокации, – происки революционного подполья, – участие неприятельских денежных воспособлений в колебании основ государственного строя и т. д. А без такого материала всякие обобщающие исследования и повествования неизбежно

сведутся либо к обвинительному акту, либо к апологетическому сказанию, либо к политическому памфлету

Но есть один вопрос, который нельзя обойти молчанием, ибо иначе остается непонятным сквозящее в беседах Совета министров во время «Тяжелых дней» чувство как бы бессилия бороться с надвигающейся со всех сторон разрухой. Вопрос этот – о взаимоотношениях военной и гражданской власти и пределы последней в обстановке войны. По этому поводу у меня сохранилась та справка, которая была представлена Совету министров, в исполнение постановления 16 июля 1915 года, управляющим делами Совета И. Н. Лодыженским. Воспроизвожу наиболее существенные части по сохраненному оттиску (№ 23).

«На основании высочайше утвержденного 16 июля 1914 года Положения о полевом управлении войск в военное время, – говорится в указанной справке, – территория, предназначенная для развертывания и действия вооруженных сил, а равно для расположения всех их тыловых учреждений, составляет театр военных действий (ст. 8). На этой территории высшая власть принадлежит Верховному главнокомандующему, который облачается чрезвычайными полномочиями, причем повеления его исполняются на театре военных действий всеми без изъятия правительственными местами и общественными управлениями, а равно должностными лицами всех ведомств и всем населением, как высочайшие повеления (ст. 17). За свои распоряжения и действия он отвечает только перед Его Величеством и никакое правительственное место, учреждение или лицо не дает ему предписаний и не может требовать от него отчетов (ст. 20), а равно не имеет права непосредственно с ним сношаться, кроме министров и главноуправляющих отдельными частями, и лиц, непосредственно подчиненных Верховному главнокомандующему».

«Почти столь же широкие полномочия и высокое положение предусмотрено и для главнокомандующего армиями фронта. В права его на пространстве подчиненной территории, между прочим, входит: устранение от должностей всех должностных лиц всех ведомств, состоящих на государственной, земской или городской службе, без различия их чина и звания. Ближайшим его помощником по административно-хозяйственной части является главный начальник снабжения армий фронта, к предметам ведения которого относятся общие указания по гражданскому управлению во всем районе данного фронта, причем ему подчинены главные начальники военных округов и военные генерал-губернаторы этого района. Последним подчиняются, по принадлежности, все местности и все гражданское управление в подлежащих районах театра военных действий».

«Наделяя Верховного главнокомандующего и различных военных начальников чрезвычайными полномочиями в области гражданского управления на театре военных действий, положение о полевом управлении войск совершенно не касается вопроса о взаимоотношениях между высшей военной и высшей правительственной властью. В этом узаконении не упомянуты ни Совет министров, ни председатель Совета, а также нет указаний о порядке разрешения на подчиненной Верховному главнокомандующему территории вопросов общегосударственного значения. Таким образом, территория эта как бы изъята из ведения общегосударственного управления и проводимые на ее пространстве мероприятия, затрагивающие интересы коренного мирного населения, обычной местной жизни, экономического быта и т. п., могут осуществляться вне ведома правительства властью подлежащих военных начальников. Последние не обязаны даже о сделанных распоряжениях по гражданской части доводить до сведения заинтересованных министров, которые, при таких условиях, во многих случаях узнают уже о свершившихся фактах и лишены возможности заблаговременно предпринять необходимые шаги для согласования таковых распоряжений с общим направлением правительственной политики и ближайшими задачами государственного управления. Между тем подчиненная военным властям площадь Империи, включенная в театр военных действий, весьма обширна и охватывает,

помимо местностей со смешанным укладом, а также с нередко противоречивыми племенными стремлениями (Финляндия, Польша, Кавказ, Прибалтийский край, Архангельск, Владивосток и т. д.), самую столицу государства – Петроград».

«Возникавшие на такой почве недоразумения и, в некоторых отношениях, несогласованность действий по однородным вопросам в местностях, подведомственных различным властям, неоднократно вызывали необходимость личных поездок председателя Совета министров и отдельных главных начальников ведомств в Ставку

Верховного главнокомандующего для непосредственных переговоров. Наряду с тем по многим делам, касавшимся одновременно театра войны и всей остальной империи, требовалась обширная переписка как по существу самого дела, так и в целях устранения разномыслий, а равно для ознакомления военной власти с взглядами правительства на те или иные явления в гражданской жизни в районах военных действий. Однако при множестве выдвигаемых военными условиями вопросов, и личные, и письменные сношения оказывались недостаточными для установления прочной связи между правительственными мероприятиями и действиями военных властей».

В дальнейшем изложении вышеупомянутой справки содержится перечисление важнейших случаев и общих вопросов, на почве которых сказывались неблагоприятные для нормального течения государственных дел последствия разделения Империи на две части с подчинением одной из них – Верховному командованию и другой – правительству, из коих первое обладало беспелляционными полномочиями, а второе в распорядительных своих действиях должно было либо оставаться в рамках общих законов мирного времени, либо прибегать к мелочному по отдельным случаям законодательству в порядке статьи 87 Основных государственных законов. Воспроизведение всех соответствующих материалов выходит из задач и объема «Дополнительных пояснений», без того принявших слишком обширные размеры. Можно ограничиться лишь одной выпиской из справки, заслуживающей упоминания ввиду быстрого отражения приведенного в ней случая на дальнейшем развитии событий.

«Без предварительных сношений с Советом министров, – отмечается в справке, – был осуществлен ряд мер в отношении выселения во внутренние губернии немцев-колонистов и евреев, а также возложена была на последних обязанность выдавать заложников. По еврейскому вопросу начальнику штаба Верховного главнокомандующего сообщены были соображения Совета министров о недопустимости подобных огульных мероприятий с точки зрения поддержания общественной безопасности внутри страны и ввиду неблагоприятного впечатления за границей, могущего иметь последствием затруднения для наших финансовых операций на иностранных рынках.

Со своей стороны, начальник штаба приказал начальнику гражданской канцелярии (в то время эту должность занимал статский советник Ч., временно заместивший князя Н. Л. Оболенского) довести до сведения управляющего делами Совета министров, что «все принятые в отношении евреев, с достаточною ясностью доказавших свое явно враждебное отношение к интересам нашего Отечества, репрессивные меры» признаются генералом от инфантерии Янушкевичем «весьма слабыми» и что он «не остановился бы перед усилением их в еще более значительной степени». «Ни соображения тягостного экономического положения еврейской бедноты со всеми его последствиями для населения местностей, служащих пунктами водворения; ни отношение к постановке данного вопроса общественного мнения союзных нам держав; ни даже настроение биржевых кругов, состоящих под подавляющим влиянием евреев; а те практические затруднения, который неминуемо должны возникнуть у гражданских властей по приведению в исполнение массовой высылки евреев из постоянных мест их жительства, являются существенным препятствием к усилению репрессий».

Из соответствующих глав «Тяжелых дней» усматривается, что через короткий срок чрезвычайная государственная необходимость вынудила Совет министров в интересах обеспечения финансовых потребностей войны прибегнуть к демонстративной мере отмены черты еврейской оседлости в отношении городских поселений. Меру эту пришлось проводить в исключительно спешном порядке, прибегнув, несмотря на продолжавшуюся в то время сессию законодательных учреждений, к искусственному применению статьи 158 Учреждения министров.

Необходимость нахождения при Верховном главнокомандующем лица, близко осведомленного в правительственных видах и могущего быть, по своему служебному положению, выразителем взглядов Совета министров, стала очевидной для последнего с первых же недель войны. По поводу предпринятых к разрешению этого вопроса шагов читаем в справке следующее:

«Накануне отбытия к действующей армии, Его Императорскому Высочеству князю Николаю Николаевичу угодно было, между прочим, высказать пожелание об установлении тесного взаимодействия между Верховным главнокомандующим и высшим гражданским управлением империи в лице Совета министров. Со своей стороны, Совет министров, всецело приветствуя такое пожелание и считая в государственных интересах приведение его в исполнение существенно важным, остановился на мысли о назначении при особе Его Императорского Высочества особого лица, опытного и авторитетного в области гражданского управления, которое явилось бы живой связью между Его Высочеством и Советом министров.

«Предложение это, а равно намеченные Советом министров кандидаты для указанного назначения (князь Б. А. Васильчиков и граф П. Н. Игнатьев) представлены были статс-секретарем Горемыкиным на усмотрение Его Императорского Высочества.

«Телеграммой от 15 августа и письмом от 19 того же месяца, начальник штаба Верховного главнокомандующего уведомил председателя Совета министров, что Его Императорское Высочество, согласно точному смыслу Положения о полевом управлении войск в военное время, считает необходимым, чтобы назначенное лицо состояло лично при начальнике штаба, было исключительно ему подчинено и, следовательно, имело доклад ему, а не непосредственно Верховному главнокомандующему. При таких условиях, генерал от инфантерии Янушкевич полагал бы более соответственным назначение для изъясненной цели кого-либо из чинов канцелярии Совета министров или Государственной канцелярии. Впоследствии бывшей по этому предмету переписки, состоящим при начальнике штаба Верховного главнокомандующего по делам гражданского управления назначен был в сентябре 1914 года помощник статс-секретаря Государственного совета, сверх штата, коллежский советник князь Н. Л. Оболенский.

«3 октября 1914 года при штабе Верховного главнокомандующего образована была, во главе с князем Н. Л. Оболенским, канцелярия по гражданской части, к предметам ведения которой отнесены:

1. Вопросы гражданского управления, возникающие в отношении мирного населения по случаю военных действий;

2. Мероприятия, имеющие общее по гражданскому управлению значение и выходящие за пределы предоставленной войсковым начальством власти;

3. Предложения, относящиеся к устройству управления в занятых силой оружия неприятельских местностях. Вместе с тем установлено, что сношения по перечисленным предметам с министрами и главнокомандующими отдельными ведомствами производятся, за исключением не допускающих отлагательства случаев, войсковыми начальствами через штаб Верховного главнокомандующего, по Гражданской канцелярии; на обязанности последней лежит изготовление проектов этих сношений к подписи начальника штаба; на канцелярию же возложена переписка по этим вопросам с прочими местами и лицами, а также истребование, согласно

указаниям начальника штаба, сведений и заключений подлежащих военным генерал-губернаторов и главных начальников снабжений армии.

«Таким образом, из изложенного явствует, что выраженное Его Императорским Высочеством и всецело разделяемое Советом министров пожелание об установлении непосредственной живой связи между Верховным главнокомандующим и высшим гражданским управлением империи осталось неосуществленным. Принятые, вследствие возникшей по этому общему вопросу переписки, меры ограничились созданием исполнительного при начальнике Штаба органа по гражданским делам».

Заканчивая на этом выписки из справки, необходимо в заключение, для понимания положения Совета министров в обстановке «тяжелых дней», остановиться еще на одном обстоятельстве, отзывавшемся на авторитете правительства и на обострении внутренних отношений.

Государственная дума, наблюдая невероятную тыловую разруху в дни июльского и августовского отступления нашей армии, расстройство сообщений, беспримерные страдания насильственно выдворяемого и превращаемого в беженцев гражданского населения, гибель сотен людей и достояния тысяч вследствие нераспорядительности и непредусмотрительности местных властей, произвол и путаницу в действиях многочисленных начальств и вообще ряд тревожных фактов, заставлявших опасаться возникновения внутренних осложнений, – не могла, ввиду категорического смысла постановлений Положения об управлении войск в военное время, привлечь к подобным случаям – в порядке использования права вопросов и запросов – внимание Верховного главнокомандующего, на всецело подчиненной коему территории театра военных действий (ст. 8 Положения) все эти явления происходили. При таких условиях, не считая возможным оставаться как бы безучастной к событиям, грозившим интересам общегосударственным, Государственная дума обращала соответственные вопросы и запросы как в комиссиях, так и в общих собраниях к председателю Совета министров и к главным начальникам отдельных ведомств. Со своей стороны, лица эти, фактически не обладая распорядительной властью на территории, подведомственной военному начальству, и не имея даже непосредственных сведений о происходящем, о целях и существе проводимых на этой территории мероприятий и пр. не могли давать исчерпывающих объяснений и принимать обязательств об устранении замеченных у фронтовых учреждений пробелов или злоупотреблений.

Между тем запросы в Государственной думе заслушивались и одобрялись, причем произносились соответствующие обличительные или негодующие речи. Последние расходились по всей стране и за границу и воспринимались массой, не разбиравшейся в своеобразии положения Совета министров, в качестве показателя неспособности, бездеятельности, чуть ли не злонамеренности правительства. На почве таких вопросов и запросов обострялись отношения между правительственной властью и законодательным учреждением, и углублялся кризис, назревавший внутри.

Будущий беспристрастный историк разберется во всем сцеплении вольных или невольных ошибок, явлений, пробелов, неудач, действий, скрытых намерений, движущих побуждений, – и воздаст каждому по делам его.

Франция, 9 февраля 1926 года
Аркадий Яхонтов

Заседание 16 июля 1915 года

«Считаю своим гражданским и служебным долгом заявить Совету министров, что Отечество в опасности».

Так в заседании Совета министров 16 июля 1915 года приступил генерал *Поливанов* к своему очередному докладу о положении на фронте. В голосе его чувствовалось что-то повышено-резкое. Присущая ему некоторая театральность речи и обычно заметное стремление влиять на слушателя образностью выражений стушевывались на этот раз потрясающим значением произнесенных слов.

Воцарилось томительное молчание. Наступившая тишина казалась невыносимой, бесконечной. А между тем ни для кого не была тайной та чрезвычайно тяжелая, почти беспросветная обстановка, в которой очутилась наша армия под упорным давлением немцев. За последнее время в Совете министров неоднократно, с возрастающей тревогой, говорили о грозном обороте военных событий. Но с такой яркостью обрисовки надвинувшейся беды до сих пор никто не выступал перед правительством. Из Ставки шли запоздалые сухие официальные сообщения, поддерживались надежды на не сегодня-завтра возобновляющееся наступление.

Ни Верховный главнокомандующий, ни начальник его штаба не находили нужным осветить перед Советом министров истинное положение, заблаговременно предупредить о надвигающейся катастрофе. Поэтому заявление военного министра и показалось чуть ли не взрывом бомбы.

Когда прошла первая минута, когда охватившее всех нервное напряжение немного ослабло, председатель Совета министров *И. Л. Горемыкин* обратился к *А. А. Поливанову* с просьбой объяснить, на чем он строит столь мрачное заключение.

Военный министр в общих чертах нарисовал картину фронта, оговорившись, что приводимые им сведения представляются, вероятно, устаревшими, так как, во-первых, наше отступление развивается с возрастающей быстротой, во многих случаях принимающей характер чуть ли не панического бегства, и, во-вторых, Ставка Верховного главнокомандующего не сообщает главе Военного ведомства никаких данных о положении на боевой линии. Военному министру приходится судить об этом положении на основании доходящих непосредственно в Петербург донесений нашей контрразведки о передвижениях в неприятельском лагере. Во всяком случае, для каждого, мало-мальски знакомого с военным делом, человека ясно, что приближаются моменты решающие для всей войны. Пользуясь огромным преобладанием артиллерии и неисчерпаемыми запасами снарядов, немцы заставляют нас отступать одним артиллерийским огнем. Тогда как они стреляют из орудий чуть ли не по одиночкам, наши батареи вынуждены молчать даже во время серьезных столкновений.

Благодаря этому, обладая возможностью не пускать в дело пехотные массы, неприятель почти не несет потерь, тогда как у нас люди гибнут тысячами. Естественно, что с каждым днем наш отпор слабеет, а вражеский натиск усиливается. Где ждать остановки отступления – богу ведомо. Сейчас в движении неприятеля все более обнаруживается три главнейших направления: на Петербург, на Москву и на Киев... В слагающейся обстановке нельзя предвидеть, чем и как удастся нам противодействовать развитию этого движения. Войска, несомненно, утомлены бесконечными поражениями и отступлениями. Вера в конечный успех и в вождей подорвана. Заметны все более грозные признаки надвигающейся деморализации. Учащаются случаи дезертирства и добровольной сдачи в плен. Да и трудно ждать порыва и самоотвержения

от людей, вливаемых в боевую линию безоружными с приказом подбирать винтовки убитых товарищей...

«Но, – продолжал военный министр, – на темном фоне материального, численного и нравственного расстройств армии есть еще одно явление, которое особенно чревато последствиями и о котором больше нельзя умалчивать. В Ставке Верховного главнокомандующего наблюдается растущая растерянность. Она тоже охватывается убийственной психологией отступления и готовится к отходу вглубь страны, на новое место. Назад, назад и назад – только и слышно оттуда. В действиях и распоряжениях не видно никакой системы, никакого плана. Ни одного смело задуманного маневра, ни одной попытки использовать ошибки зарвавшегося врага. И вместе с тем Ставка продолжает ревниво охранять свою власть и прерогативы. Среди разрастающейся катастрофы она даже не считает нужным посоветоваться с ближайшими сотрудниками. Не только командующие армиями, но даже главнокомандующие фронтами ни разу не были призваны в Ставку для совместного доклада о положении, о возможном исходе из затруднения, о способах дальнейшей борьбы.

Над всем и всеми царит генерал Янушкевич. Все прочие должны быть бессловесными исполнителями объявляемых им от имени великого князя повелений. Никакой почин не допускается. Никто из старших военачальников не ведает, куда и зачем его двигают. Молчать и не рассуждать – вот любимый окрик из Ставки. Но при этом в происходящих несчастьях виновата не Ставка, а все – и люди, и стихии. Виноваты генералы, полковые и ротные командиры, виноваты сами чудо-богатыри, виноват военный министр, виновато правительство в его целом и отдельные члены, виноват тыл. Словом, ответственны все, кроме того органа, на котором непосредственно лежит ответственность. И эта чреватая внутренними последствиями мысль внедряется из Ставки в общественное сознание...»

Отметив затем угрожающее нарастание раздражения в стране и признаки революционных веяний не только в тылу, но и на фронте, А. А. *Поливанов* воскликнул: «Печальнее всего, что правда не доходит до Его Величества. Государь оценивает положение на фронте и дальнейшие перспективы только на основании сообщений, обработанных Ставкой. Его мнение о происходящем складывается лишь на основании тех материалов и заключений, которые считают возможным сообщать генералы Данилов с Янушкевичем...» «На рубеже величайших событий в русской истории, – с силой продолжал военный министр, – надо, чтобы русский царь выслушал мнение всех ответственных военачальников и всего Совета министров, которые должны откровенно сказать ему о том, что приближается, быть может, последний час и что необходимы героические решения. И наша, господа, обязанность, не откладывая ни минуты, умолять Его Величество немедленно собрать под своим председательством чрезвычайный военный совет. Никакие откладывания и отсрочки более недопустимы, ибо впереди и недалеко трагедия и внешняя, и внутренняя. Мы все единодушно и настойчиво должны просить государя созвать военный совет при участии правительства в ближайшие дни. Иначе может быть поздно...»

Призыв военного министра встретил горячий отклик в Совете министров. Решено уполномочить *И. Л. Горемыкина* и *А. А. Поливанова* представить Его Величеству единодушное ходатайство правительства о неотлагательном созыве военного совета, причем докладчики обязаны указать государю, что мера эта обуславливается не только военной необходимостью, но и соображениями внутренней политики, ибо население недоумевает по поводу внешне безучастного отношения царя и его правительства к переживаемой на фронте катастрофе. Со своей стороны отдельные министры, при очередных всеподданнейших докладах, обязались повторять государю о настоятельности и своевременности совещания царя со своими генералами и министрами.

Следует отметить, что мысль о необходимости чрезвычайного военного совета возникла в Совете министров неоднократно в связи с печальными событиями на Карпатах и понесенными нашей армией поражениями, повлекшими за собою проникновение врага глубоко внутрь страны. Еще в заседании Совета 8 июля 1915 года под высочайшим председательством в Царском Селе мысль эта была доложена государю императору, и Его Величество, признав ее по существу целесообразной, изъявил согласие созвать военачальников и министров в срок в зависимости от дальнейшего развития событий.

Происходивший после доклада военного министра обмен мнений я не был в состоянии записывать последовательно. Рука дрожала от нервного напряжения.

У меня помечено по окончании беседы по этому поводу: «Всех охватило какое-то возбуждение. Шли не прения в Совете министров, а беспорядочный перекрестный разговор взволнованных, захваченных за живое русских людей. Век не забуду этого дня и переживаний. Неужели правда, все пропало! Не внушает мне *Поливанов* доверия. У него всегда, чувствуется преднамеренность, задняя мысль, за ним стоит тень Гучкова».

Во время беседы некоторыми из министров было, между прочим, отмечено, что если в тылу и в штабах наблюдается некоторая растерянность, то на фронте, напротив, офицерство настроено бодро и не теряет веры в конечную победу и в переход в наступление. Отход объясняется, как суворовский маневр заманивания неприятеля внутрь страны, подальше от коммуникационных линий. Когда же немцы достаточно зарвутся и отойдут от своей основной базы, им будет нанесен сокрушительный удар и их погонят за Вислу.

По поводу этих толков *А. А. Поливанов* резко воскликнул: «Вопрос о вере в конечную победу, все рассказы доморощенных стратегов и писателей военных обзоров глубоко меня раздражают. Переход в наступление через Вислу – вредная иллюзия, расслабляющая общественное сознание. Для этого нет ни технических возможностей, ни достаточно войск. Надо думать не о победах, а о том, как бы спасти жизненные центры России от захвата врагом. Надо не убаюкиваться несбыточными надеждами, а сосредоточить все силы на сопротивлении. Повторяю, господа, Отечество в опасности».

В дальнейшем ходе заседания был затронут болезненный вопрос о взаимоотношениях гражданских и военных властей как вообще, так в особенности в Петербурге. Последний был включен в состав территории театра военных действий и подчинен главнокомандующему 6-й армией. Лицо это, на основании Положения о полевом управлении войск в военное время, ведало всеми решительно проявлениями жизни столицы и в действиях своих руководствовалось исключительно указаниями из Ставки. Ни Совет министров, ни министр внутренних дел, ни другие главы ведомств для него не существовали. В итоге создавалась неразбериха и расстройство работы отдельных органов управления. Сплошь и рядом штаб 6-й армии принимал в Петербурге по рабочему, продовольственному и другим вопросам такие своеобразные меры, которые шли в полном противоречии с правительственной политикой и осложняли без того весьма сложную внутреннюю обстановку. О видоизменении и отмене подобных мероприятий заинтересованному министру приходилось входить со всеподданнейшим представлением к Его Императорскому Высочеству Верховному главнокомандующему, который, если ему угодно было согласиться с нецелесообразностью опротестованных распоряжений 6-й армии, объявлял через генерала Янушкевича соответствующее повеление. На всю эту волокиту требовалось время (пока напишут, пока ответят, пока исполнят).

Ненормальность такого положения, о котором и Совет министров, и его председатель, и отдельные министры с начала войны неоднократно докладывали и великому князю, и государю

императору, вызвала в конце концов высочайшее повеление разработать и представить Его Величеству проект создания при главнокомандующем 6-й армией особого смешанного органа с участием военных и гражданских представителей для обсуждения мероприятий общего значения по петербургскому округу. Составление положения о таком органе было возложено на междуведомственную комиссию. Осведомившись об этом, великий князь в рескрипте на имя председателя Совета министров выразил свое неудовольствие по поводу доклада Государю и рассмотрения в комиссии, без предварительного сношения со Ставкой, вопроса, затрагивающего прерогативы и компетенцию Верховного главнокомандующего. О таком неудовольствии Его Высочества *И. Л. Горемыкин* сообщил Совету министров. Последовавшие прения весьма любопытны для характеристики того тяжелого положения, которое создавалось для правительства отношениями со Ставкой и военными властями.

«Приветствую рескрипт великого князя, – заявил *А. В. Кривошеин*. – Приветствую его как повод вернуться к наболевшему вопросу и пересмотреть ранее высказанные заключения. Сейчас вопрос этот уже выходит из рамок петербургского округа и приобретает гораздо более широкое значение. С развитием отступления и приближением военных администраторов со всех сторон учащаются жалобы на трения, волокиту и путаницу в делах. Гражданские власти обязаны считаться с велениями многообразных бесчисленных военных начальников, чуть ли не до этапных комендантов включительно, но эти начальники, в свою очередь, ни с кем и ни с чем не находят нужным считаться. На местах получается полная анархия. Все приказывают, но ответственных людей не найти. Дезорганизация принимает столь угрожающий характер, что становится страшно за будущее. Иной раз, слушая рассказы с мест, думаешь, что находишься в доме сумасшедших.

К сожалению, со стороны Ставки не видно каких-либо действий, направленных к обузданию чрезмерно ретивых генералов, полковников и прочих героев военного тыла. Напротив, сама Ставка отдает распоряжения и проводит различные мероприятия по гражданской части, без каких-либо сношений с заинтересованными ведомствами. Создается разность политики, путаница в управлении и хаос. Казалось бы, что в данную минуту у Ставки столько чисто военных забот, что она могла бы отказаться от реформаторской деятельности уже не в завоеванных, а исконно российских областях и губерниях. Так или иначе, но бедламу должен быть положен предел. Никакая страна, даже многотерпеливая Русь, не может существовать при наличии двух правительств. Или пусть Ставка возьмет на себя все и снимет с Совета министров ответственность за течение дел, или же пусть она и ее подчиненные считаются с интересами государственного управления. Надо твердо и бесповоротно установить такой порядок, чтобы ни одно распоряжение правительства, касающееся интересов войны, не издавалось без сношения со Ставкой и чтобы ни одно распоряжение Ставки по гражданской части не проводилось без ведома Совета министров или подлежащего ведомства. Наш долг доложить об этом государю и указать, что настоящее положение длиться не может».

П. А. Харитонов, вполне соглашаясь в существе с мнением *А. В. Кривошеина*, отметил, что поддержание связи и взаимное осведомление путем переписки по возникающим вопросам вызвало бы на практике значительные затруднения и замедления. Поэтому представлялось бы предпочтительным прибегнуть к уже испытанной в Турецкую войну мере, а именно – к назначению при Ставке правительственного комиссара, который, будучи в постоянной связи с правительством, являлся бы при великом князе докладчиком по гражданским делам.

Кн. Н. Б. Щербатов:

«За короткий срок моего пребывания во главе Министерства внутренних дел я на горьком опыте убедился, что дальше так идти не может. Губернаторы заваливают меня запросами

и телеграммами о невыносимом положении, порождаемым деяниями военных властей. При малейшем возражении – окрик и угрозы, чуть ли не до ареста включительно. Невозможно разобраться, чьи приказания и требования следует исполнять. Сыплются они со всех сторон, причем нередко совершенно противоречивые. На местах неразбериха и путаница невообразимые.

Распоряжаются все, начиная от любого предприимчивого прапорщика. В возникающих спорах и столкновениях высшие военные начальства становятся на сторону своих, но за всякий беспорядок отвечать должны чины Министерства внутренних дел. Среди последних все сильнее проявляется стремление или перевестись во внутренние губернии, или же просто уйти в отставку. Получается в итоге полное расстройство местной службы. Это явление надо во что бы то ни стало остановить, иначе скоро правительство окажется без аппарата на местах. Но министр внутренних дел ничего не может сделать. И юридически, на основании положения о полевом управлении, и фактически у него нет реальной власти на территории театра войны. Эти подробности, конечно, неизвестны массе населения, да и самим деспотическим прапорщикам. В их глазах во всем и во вся виновато ведомство внутренних дел. В конце концов, я, в качестве министра, становлюсь всеобщим козлом отпущения, тем злосчастным Макаром, на которого все шишки сыплются. Лично мне это все равно, но ведь страдает авторитет правительственной власти. В толпе ширятся толки о бездеятельности, неспособности Совета министров, подогреваемые беззастенчивой печатью и некоторыми

общественными кругами. К каким это может привести последствиям при общем возбуждении умов – едва ли нужно говорить. Если подобные толки служат громоотводом для одних и способом достижения политических целей для других, то для государственного правопорядка они представляют серьезную угрозу.

Вот в ближайшие дни соберется Дума. Я знаю из верных источников, что нас хотят забросать запросами по местным делам. Что же я буду отвечать? Ведь я ни в чем, касающемся подчиненных военному командованию территорий, точно и исчерпывающе не осведомлен. Да и как я могу давать объяснения о действиях и распоряжениях, которые принимаются и проводятся без моего ведома. Как я могу отвечать за политику Ставки, принципы и цели которой вырабатываются без моего участия, о которых меня не осведомляют и которые осуществляются вне моего контроля. Настоятельно прошу Совет министров возможно скорее принять меры к установлению постоянного живого контакта с Верховным главнокомандованием. Я докладывал об этом и великому князю, и государю и встретил с их стороны полное сочувствие».

А. В. Кривошеин:

«Слова министра внутренних дел дополняют то, что нам пришлось сегодня услышать от военного министра о состоянии умов в Ставке. Картина вырисовывается такая, что жутко становится за будущее. На фронте бьют нас немцы, а в тылу добивают прапорщики. Над Россией нависает какая-то безысходная трагедия. Пока военное реформаторство распространялось на одну Галицию – один вопрос.

Сейчас неприятель захватил почти третью часть Европейской России. Казалось бы, наступил момент для пересмотра гражданских полномочий военных властей.

С многовластием надо решительно покончить, иначе мы зайдем в такие дебри, из которых выхода не будет. Наша обязанность все это разъяснить государю».

Кн. Н. Б. Щербатов дополнил свой предшествующий доклад указанием на тяжелое положение, которое после объявления войны получилось в Архангельске. Город этот был включен в состав территорий театра военных действий с подчинением его командующему войсками в Петрограде. Будучи таким образом изъят из ведения гражданского начальства и министерств, Архангельск остался в конце концов без всякого начальства, ибо петроградский военный округ не обладал ни необходимыми органами, ни знанием местных нужд и условий и не имел ни вре-

мени, ни возможности заниматься делами за сотни верст отдаленного города. В итоге упущено много драгоценных месяцев для развития архангельского порта, столь нужного нам в качестве единственного окна в Европу.

А. А. Хвостов:

«А что творится с эвакуацией очищаемых нами местностей? Ни плана, ни согласованности действий. Все делается случайно, наспех, бессистемно. Сплошь и рядом учреждения получают приказ об отъезде чуть ли не за несколько часов до очищения города войсками. Были случаи выезда суда с арьберггардом. Архивы, имущество бросаются на произвол судьбы. Места водворения эвакуируемых учреждений предугадываются военной властью без сношений с заинтересованными ведомствами даже в отношении губерний, вне театра войны находящихся и, следовательно, Ставке не подчиненных. Губернаторы узнают об избрании их района для данного учреждения лишь в момент прибытия поездов с чиновниками и грузами. Ни помещений, ни продовольствия не заготовлено. Прибывшие испытывают всевозможные лишения. Приходится рассовывать кое-как и куда попало. Население ропщет от неожиданных стеснений. Надо было бы обратить внимание Ставки на создающееся положение и потребовать упорядочения эвакуации с участием гражданских ведомств.

А как отнестись к таким, например, действиям, как разрешение формировать различные польские легионы, латышские батальоны, армянские дружины? Подобные формирования выходят за пределы узковоенных интересов, в корне затрагивая вопросы общегосударственной политики. Ведь этот шаг есть в существе не что иное, как установление принципа образования национальных войск. Разве допустимо, чтобы такая мера принималась без согласия Совета министров. С ее последствиями по окончании войны придется считаться не Верховному главнокомандующему, роль которого кончится с заключением мира, а правительству. Распустить национальные батальоны будет нелегко, и они тяжелым грузом будут давить на нашу окраинную политику».

А. В. Кривошеин:

«Совершенно ясно, что вопрос об урегулировании взаимоотношений со Ставкой не терпит никаких отлагательств. Ставка приближается, а с ней и все то, что грозит России неисчислимыми последствиями. Мнение Совета министров определилось настолько ясно, что остается только довести о нем до сведения великого князя и доложить государю императору».

П. А. Харитонов:

«Да, доложить с указанием на необходимость назначить в Ставку комиссара, избрав для этого высокопоставленное лицо, которое по своему положению, опыту в государственных делах, своей независимостью было бы достаточно авторитетно в глазах Верховного главнокомандующего. Следовало бы добиться того, чтобы Янушкевич стал начальником исключительно военного штаба, а комиссар – гражданского, причем каждый из них докладывал бы великому князю по своей специальности. Думается, что Янушкевич не должен бы возражать против такой постановки вопроса. Освобождение от бремени мало ему известных штатских дел дало бы ему досуг более серьезно заняться фронтом и борьбой с неприятелем.

Эта сторона обязанностей начальника штаба, по-видимому, порядком у него запущена...»

Министр торговли и промышленности *кн. В. Н. Шаховской:*

«Обуздание своеволия военных начальников особенно важно в рабочем вопросе. Открыто обвиняя промышленников в недостаточно интенсивном развитии производства и в преобладании соображений выгоды над сознанием патриотического долга, военные власти в то

же время давят на рабочую массу террором. При малейших недоразумениях пускаются в оборот полевые суды, вооруженная сила, лишение льгот по призыву и тому подобные устрашения. Незначительный конфликт раздувается в крупное, чуть ли не революционное событие. Сейчас на фабриках и заводах настроение заметно повышается. Надо быть особенно осторожным и тактичным. Иначе могут вспыхнуть волнения и забастовки».

С. В. Рухлов:

«Не может быть двух мнений о необходимости заставить военную власть считаться с интересами гражданского управления. Мы все точно так же работаем для России и не меньше господ военных заинтересованы в спасении Родины от вражеского засилья. Нельзя примиряться с таким положением, будто каждый чиновник, каждый правительственный служащий является помехой для носящих военный мундир и что во всем виновато *крапивное семя*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.